

Когда Хён Гю Ха, так же бесстрастно, как и ранил себя, вытащил нож из руки, кровь хлынула сильнее. Он поднял окровавленную ладонь прямо перед лицом Ю Шина.

— Попробуйте вылечить.

Спокойный тон, совершенно не соответствующий запаху крови, наконец привёл Ю Шина в чувство. Он и сам понимал, что его исцеление — это всего лишь способность лечить простуду или переломы у хомяков. А что, если на человеке она не сработает? Что тогда? Что делать?

Его руки дрожали, когда он накрыл ими рану. Мягкий белый свет разлился между пальцами.

— О, — тихо присвистнул Гю Ха. — Даже шрама не осталось. С такой способностью вы точно не умрёте с голоду. Но она действует только на тех, кого вы приручили? Жаль.

—

— Ю Шин? Вы из-за еды плохо себя чувствуете?

Он смотрел с лёгким недоумением — совершенно спокойно, будто не понимал, почему Ю Шин побледнел от шока.

Лишь теперь у Ю Шина подкосились ноги. Он чуть не сел прямо на землю, но Гю Ха мягко поддержал его телекинезом и усадил на сиденье байка.

— Может, сходить в аптеку за таблетками от желудка?

— ...Почему вы так обращаетесь со своим телом?

— Что?

— Вы же... только что сами себя ранили. Я правда испугался...

— А, простите. Вы ведь обычный человек, не привыкли видеть кровь.

— Дело не в этом.

— ...?

Выражение его лица — искренне не понимающее — вдруг показалось Ю Шину чужим. Он нервно сжал пальцы, пытаясь отогнать внезапную мысль. Впрочем, чему удивляться — они знакомы всего месяц. Не то чтобы он разочаровался. Просто... он ничего о нём не знал.

— А если бы моя способность не сработала? Зачем вы так рисковали?

— Тогда я бы пошёл в больницу.

— С такой раной?

— Для меня это даже не рана. Просто царапина. Мне как-то раз монстр чуть не оторвал руку.

— Но сейчас вы сделали это сами... Пожалуйста, не делайте так.

Только тогда Гю Ха взглянул на свою уже зажившую руку, потом на лицо Ю Шина — сжатое, почти готовое расплакаться. Его голос прозвучал непривычно:

— Неужели вы... беспокоитесь обо мне?

В голосе смешались удивление, недоверие и будто бы лёгкая насмешка. Ю Шин опустил голову.

— Я знаю. Мне не по положению за вас переживать.

— Да нет. Просто странно. Вы второй человек за всю мою жизнь, кто переживает за мои раны.

— ...Даже несмотря на то, что вы с детства были охотником?

Гю Ха пожал плечами.

— На словах все переживают. Но на самом деле это означает: «Если он сломается, мне придётся сражаться. Я могу пострадать. Могу умереть. Потерю деньги». Вот и всё.

Ю Шин хотел возразить, но, подняв глаза и встретившись с его спокойным янтарным взглядом, замолчал. В этих глазах была усталость человека, прожившего куда более тяжёлую жизнь, чем он сам.

Он не имел права спорить.

Он ничего не знал о Хён Гю Ха. О его прошлом. И только сейчас это понял. Их связь была всего лишь результатом приручения, насильно удерживающей его рядом. А он, не задумываясь, уже начал считать его близким.

— А первый человек, который за вас переживал?..

— Не знаю. Это было почти двадцать лет назад. Наверное, он уже и забыл.

После этих слов Гю Ха помог ему слезть с байка и мягко потрепал по голове.

— Остальные способности хозяина проверим в следующий раз. А сейчас не забивайте себе голову. Поднимайтесь и отдыхайте. Поспите — станет легче.

Как всегда.

Он уехал только после того, как увидел, что в мансарде зажёгся свет.

— Шестой, я дома.

В тёмной комнате быстрее закрутилось колесо в клетке — хомяк явно обрадовался. Ю Шин молча присел перед клеткой.

Всё было как обычно. Та же комната. Та же тишина. Но почему-то ноги казались ватными, а внутри — пусто.

Он знал почему.

Потому что ужин был слишком приятным.

«Я давно ни с кем не ел вот так. Кроме Сын Ги».

В Сеуле он жил один. Позвать на ужин было некого. Сын Ги — единственный близкий человек

здесь — был вечно занят. Обычно он ел один.

И раньше его это устраивало. По крайней мере, он так думал.

А Хён Гю Ха всего одним ужином заставил его почувствовать одиночество.

Разбил прочную оболочку, за которой он его прятал. Вошёл в его мир так легко, словно имел на это право.

Тёплая забота за столом. Взгляды. Спокойный разговор. Всё это заставило его увидеть то, от чего он сам отворачивался.

«Он человек из другого мира».

Сегодня он понял это особенно ясно. Их связь — всего лишь результат приручения. Не больше.

— Шестой...

Ю Шин открыл клетку, протянул ладонь. Хомяк забрался на неё. Тёплый, маленький комочек жизни. Он осторожно погладил его, чувствуя, как становится спокойнее.

Он даже проверял — с лупой хозяина квартиры — но на теле Шестого не было никакой метки с его именем. Только у Гю Ха.

Почему? Что в нём особенного? И... как снять приручение?

— Ты ведь останешься со мной, да?

— Пик.

Хомяк дёрнул носом, словно отвечая. Ю Шин улыбнулся и легонько поцеловал его.

Он хотел поскорее закончить эту связь с Гю Ха. Пока одиночество не затянуло его глубже. Пока не появились пустые надежды.

Ю Шин уже пережил дважды, как его бросали. И один раз — смерть.

Он знал: больше всего на свете страшно — надеяться на человека.

Когда Хён Гю Ха ввёл ману в дверной замок, свет в его квартире загорелся автоматически. Просторный, дорогой апартамент был пуст и холоден, словно шоурум.

Он бросил куртку на диван и, не глядя, махнул рукой. Дверца холодильника открылась сама, банка пива подлетела к нему.

«Пора бы уже и холодильник пополнить».

Внутри всё равно только пиво и вода.

Он огляделся. Его квартира резко контрастировала с мансардой Ю Шина — той тесной, но живой комнатой, где чувствовалось человеческое тепло. Здесь же была лишь дорогая оболочка и пустота.

Ему никогда и не нужен был дом. Достаточно места, где можно поспать.

Но стоило подумать о Ю Шине — и о том, что он сейчас не рядом, — как в груди поднялась знакомая тревога.

— Глаз Мунина.

Короткое слово активации — и перед глазами появилась карта с мигающей точкой. Обычный артефакт отслеживания, направленный на его хозяина.

Как только он увидел местоположение Ю Шина, сердце сразу успокоилось.

Он уже собирался расслабиться и спокойно допить пиво, наблюдая за точкой, как вдруг резко выпрямился.

Ю Шин начал двигаться.

«Куда он собрался посреди ночи?»

Мир ведь опасен. Врата могут открыться где угодно. Машина может сбить. Кто-то нападёт. Или...

...он может найти брошенного хомяка.

И для Хён Гю Ха именно последнее казалось самым опасным.

Он уже собирался сорваться с места и бежать за ним, но точка внезапно вернулась обратно. Похоже, Ин Ю Шин всего лишь вышел выбросить мусор и сразу поднялся домой.

[Сегодня лягу пораньше, так что, наверное, не смогу ответить на ваш звонок. Спокойной ночи.]

Хён Гю Ха несколько секунд молча смотрел на пришедшее сообщение, потом коснулся экрана.

[Спи. И увидь во сне меня.]

Даже после отправки ответа он ещё долго смотрел на координаты. Точка с местоположением Ю Шина больше не двигалась. Похоже, он и правда лёг спать, как и написал.

Только тогда в груди наконец разлилось настоящее облегчение.

— Чёрт... чем я вообще занимаюсь.

Гю Ха с усмешкой над самим собой откинулся в воздухе, будто ложась на невидимую поверхность. Всё, что происходило с его чувствами — всплески тревоги, внезапное успокоение — неизменно было связано лишь с одним человеком.

Он следил только за одним.

И эта собственная одержимость — слепая, сосредоточенная на чужой безопасности — казалась ему настолько чуждой, что временами он чувствовал, будто сходит с ума.

Если бы не это странное облегчение, которое он испытывал, помогая Ю Шину, не это ощущение, что застоявшаяся, почти депрессивная апатия наконец сдвинулась с мёртвой точки, — возможно, он и правда нанял бы кого-нибудь убить его. Неважно, кем бы тот ни

оказался — $\frac{1}{4}\hat{\delta}$ или кем угодно ещё.

<http://bllate.org/book/12408/1415903>